

И. П. ЕРЕМИН

К вопросу о жанровой природе „Слова о полку Игореве“

В «Ученых записках» Киевского Государственного университета недавно появилась большая статья А. А. Назаревского «О жанровой природе „Слова о полку Игореве“».¹ В центральной своей части статья посвящена критическому разбору моих статей по тому же вопросу, из которых первая была опубликована в 1944 году,² а вторая — в 1950 году.³

В результате изучения вопроса я пришел к выводу, что «Слово о полку Игореве» по своей жанровой природе не является «поэмой» или «повестью»: это не оправдывается анализом художественной структуры «Слова». «Слово о полку Игореве» следует рассматривать так, как рассматривал его сам автор, т. е. как «слово», как памятник художественного, «торжественного» красноречия киевской Руси.

Положение это, по мнению А. А. Назаревского, является ошибочным, необоснованным и никак принято быть не может.

Переходя к обсуждению статьи А. А. Назаревского, считаю необходимым прежде всего уточнить самый предмет спора. В моих статьях я пытался установить характерные особенности художественной структуры «Слова». С большим удовлетворением могу отметить, что все эти указанные мною особенности со стороны А. А. Назаревского не вызывают сами по себе каких-либо возражений. А. А. Назаревский согласен, что «Слово» в композиционном и стилистическом отношениях характеризуется именно теми особенностями, какие мною отмечены. Это меня радует, так как очевидно свидетельствует, что установлены они правильно.

Не это является причиной возражений А. А. Назаревского. Самое решительное сопротивление вызывает со стороны А. А. Назаревского моя попытка рассматривать все эти особенности художественного строя «Слова о полку Игореве» как признаки его ораторской природы. Шаг за шагом опровергает А. А. Назаревский едва ли не все мои доводы в пользу их ораторской природы, моей аргументации противопоставляя свою, которая кажется ему совершенно неопровержимой.

Но так ли это? В какой мере доказательны доводы А. А. Назаревского и действительно ли они подрывают в корне все мои построения?

Остановлюсь подробнее на аргументации А. А. Назаревского. Ораторскую природу указанных мною особенностей композиционного и стили-

---

¹ Наукові записки, т. XIV, вип. 1, Збірник Філологічного факультету, № 7. Вид. Київського Державного університету. К., 1955, стр. 113—144.

² Ученые записки ЛГУ, сер. филол. наук, вып. 9, Л., 1944, стр. 3—18.

³ Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 93—129.

стического строя «Слова о полку Игореве» А. А. Назаревский отрицает на том основании, что каждая из них, взятая в отдельности, неоднократно встречается, как свидетельствуют факты, не только в ораторской прозе, но и в других памятниках древнерусской литературы, оригинальной и переводной, встречаются они даже в произведениях народного творчества. В сущности вся статья А. А. Назаревского и посвящена подробному доказательству этого, замечу тут же, бесспорного положения.

Трехчастная композиция, утверждает А. А. Назаревский (стр. 120 и сл., ср. стр. 135), встречается не только в ораторской прозе. Вступление как особая композиционная единица налицо и в житиях, в некоторых повестях, в «Молении» Даниила Заточника, в «Слове о гибели Рускыя земли». Даже начальные строки вступления к «Слову» («Не лепо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудных повестий...») находят себе многочисленные внешне сходные параллели: в неторжественном «Слове о терпении и любви» Феодосия Печерского («Лепо бо бяше нам от трудов своих кърмити убогыя и странныя...»), в несторовом житии Феодосия («Нестъ лепо нам, братие, таити чудес божиих...»), в Александрии первой редакции, в Галицко-Волынской летописи, в речи, которую под 1170 годом, согласно Киевской летописи, произнес на княжеском съезде Мстислав Изяславич, подготавливая поход на половцев: «А лепо ны было, братье... поискати отецъ своих и дед своих пути и своей чести...» (последний факт был указан и мною, правда, в иной связи).

Находит себе многочисленные параллели и повествовательная часть «Слова». Повествование, указывает А. А. Назаревский, отнюдь не является чем-то присущим только ораторской прозе. В повествовательной форме написано и житие Феодосия Печерского, и переводное житие Алексея человека божия, и повесть о смерти князя Михаила Скопина-Шуйского и еще многое другое. А. А. Назаревский напоминает мне, что даже древнейшая русская летопись — «Повесть временных лет», которую уж во всяком случае, как совершенно резонно отмечает А. А. Назаревский (стр. 123, ср. стр. 134), никак нельзя отнести к памятникам «торжественного» красноречия, написана в повествовательной форме.

Не является чем-либо одиноким и заключение в «Слове» — похвала князьям и дружине, борющимся «за христьяны на поганыя плъки». Такого типа заключение встречается, по утверждению А. А. Назаревского (стр. 126 и сл.), во многих произведениях, притом отнюдь не только ораторского жанра, — в житиях Бориса и Глеба, Феодосия Печерского, Александра Невского, Стефана Пермского; заключением такого типа, по словам А. А. Назаревского, завершаются и «Моление» Даниила Заточника, повесть о разорении Рязани Батыем (по Волоколамскому списку XVI века), Казанская история, так называемая Сказочная повесть об Азовском взятии и осадном сидении и Повесть о Горе-Злочасти.

Не является, далее, признаком ораторской прозы и такая подробность повествовательной части «Слова о полку Игореве», как монологи, речи действующих лиц повествования. Художественная манера автора «Слова» в этом отношении, указывает А. А. Назаревский (стр. 124), близка не только к произведениям древнерусского «торжественного» красноречия, к «Слову о Лазаревом воскресении» или «словам» Кирилла Туровского, но и ко многим эпизодам летописи (например, мщение Ольги древлянам, походы Святослава Игоревича и др.), и к житиям (особенно «княжеским»), и к оригинальными переводным воинским и иным повестям и, в частности, русскому переводу «Повести о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия.

Не может, утверждает А. А. Назаревский (стр. 125), рассматриваться как признак ораторской природы «Слова» и указанная мною характерная особенность его повествовательной части: автор многого не договаривает, о многом умалчивает, отсюда — недомолвки, глухие намеки, даже пропуски и пр. Этот лирический способ повествования налицо и в народной исторической песне о смерти князя Михаила Скопина-Шуйского («Ино что у нас в Москве учинилося...»); способ этот, по мнению А. А. Назаревского, свойственен «вообще поэтическому произведению» (что понимает А. А. Назаревский под поэтическим произведением «вообще» — неясно; «поэтическими» бывают самые разнообразные произведения).

Переходя к указанным мною стилистическим особенностям «Слова», А. А. Назаревский ограничивается только некоторыми примерами моей полной неосведомленности в этом вопросе. Так, А. А. Назаревский указывает (стр. 127), что я напрасно рассматриваю часто встречающуюся в «Слове» формулу личного обращения автора к читателю («братие») как один из показательных признаков ораторской природы стилистического строя «Слова». Формула эта не раз встречается и в несторовом житии Феодосия Печерского («Но послушайте, братие, с всяцем приложением...») и др. Знают это обращение, указывает А. А. Назаревский, и другие литературные жанры, начиная с древнейших времен, например «Хождение» игумена Даниила («Братиа и отци, господие мои, простите мя грешного...»), сказание о Псковском взятии («Ныне же се, братие, видяще, убоимся прещения сего...») и др. Иногда этот стилистический прием встречается и в народном песенном творчестве («Как у нас, братцы, было на тихом Дону...»).

Риторическое восклицание «о!» также, по мнению А. А. Назаревского (стр. 128), нельзя считать признаком ораторской природы стилистического строя «Слова о полку Игореве», так как его можно встретить и в произведениях не ораторского жанра, например в «Слове о погибели Руския земли», которое А. А. Назаревский вслед за некоторыми другими исследователями считает предисловием к житию Александра Невского: «О светло светлая и украсно украшена земля Русьская!..»; в Галицко-Волынской летописи под 1250 годом: «О злее зла честь татарская!..» и др.

Не убеждают А. А. Назаревского и приведенные мною многочисленные примеры повторов в «Слове о полку Игореве», так как они тоже не раз встречаются в произведениях самого различного типа. «Рассуждая так, — даже пронизывает А. А. Назаревский (стр. 129, прим. 1), — пожалуй, и в известных пушкинских строках: „Уж небо осенью дышало, Уж реже солнышко блистало...“, можно увидеть проявление „ораторской природы“ произведения».

Таковы факты, подобранные А. А. Назаревским из разных произведений, разного времени и разной художественной природы. Некоторые из них были известны и мне. Но в своих статьях я не приводил их только по той причине, что все они, на мой взгляд, не имеют прямого отношения к занимающему меня вопросу.

Одни и те же приемы, действительно, встречаются в самых разнообразных произведениях. Тот факт, что древнерусский писатель имел возможность «пользоваться одними и теми же художественными приемами в произведениях различных жанровых категорий, а не только в памятниках торжественной ораторской прозы» (стр. 121), не подлежит сомнению, и я совсем не собираюсь его оспаривать.

Но о чем свидетельствует этот факт? Подрывает ли он мою аргументацию в пользу ораторской природы «Слова»? Полагаю, что нет. Он сви-

детельствует только о том, что количество художественных приемов относительно ограничено, что каждый из них, взятый в отдельности, в отрыве от своего конкретного идейно-художественного контекста, сам по себе не может служить признаком жанровой природы того или иного произведения, так как в том или ином его применении он может встретиться везде — в любом произведении любого жанра.

Следуя методу А. А. Назаревского — методу подбора «цитат», произвольно вырванных из памятников разного типа и разного времени, без учета места и значения, какие занимают эти «цитаты» в художественной структуре данного произведения, — можно без особого труда доказать, что жанров в искусстве вообще не бывает, что жанр — фикция, плод нашего первого впечатления, которое тотчас же и рассеивается при более пристальном взгляде на дело. Можно доказать, что несторово житие Феодосия Печерского, например, — не «житие» и только по недоразумению рассматривается так. Ведь если это произведение разложить механически на его составные элементы, тотчас же обнаружится, что все они встречаются не раз в произведениях и других литературных жанров. В житии Феодосия налицо повествование, но повествование есть и в летописи, и в повестях, и в ораторской прозе. Диалоги действующих лиц (когда мать Феодосия разыскала сына в Киеве, в пещере Антония, то «плакася горко», а потом «начат увещати» вернуться домой и быть с нею до ее смерти) встречаются и в летописи, и в повестях, и даже в былинах. «Цепная» композиция повествования — рассказ по эпизодам, иллюстрирующим положительные качества героя, также не является принадлежностью только житийной литературы. «Чудеса», «видения» встречаются и в повести о Савве Грудцыне и даже в повести о Горе-Злочастии (явление доброму молодцу Горя в образе архангела Гавриила), «плачи» свойственны не только житиям, но и воинской повести и т. д. и т. д. Можно доказать, что «Федра» Расина — не трагедия эпохи расцвета французского классицизма, так как единство места или действия, александрейский стих, фиксация «общих» законов человеческой психики, развития той или иной страсти встречаются и в произведениях иного жанра, притом не только эпохи классицизма. Можно доказать, что «Война и мир», — вопреки общепринятому мнению, совсем не роман и т. д.

Путь, избранный А. А. Назаревским, на практике приводит нас и не может не привести к отрицанию правомерности самой постановки вопроса о жанровой природе не только «Слова о полку Игореве», но и любого другого произведения. В самом деле, можно ли ставить этот вопрос, если ни один художественный прием, как оказывается, не является присущим тому или иному жанру, но встречается и может встретиться везде, в произведениях самых различных жанров, даже (добавлю от себя) в речи деловой. А. А. Назаревский, по недоразумению очевидно, озаглавил свою статью — «О жанровой природе „Слова о полку Игореве“». На деле, как следует из его статьи, он самый этот вопрос считает праздным, неверно поставленным.

По мнению А. А. Назаревского, «Слово о полку Игореве» лишено каких-либо четких жанровых очертаний, является произведением внежанровым. «Мы должны, — пишет А. А. Назаревский, подводя итог своему исследованию (стр. 143 и сл.), — видеть в „Слове“ не художественные особенности одного ораторского или какого-либо иного жанра, а гармоническое слияние приемов и особенностей всех жанров, существовавших в устной и книжной традиции киевской Руси XI—XII вв.». А. А. Назаревскому, как видим, нельзя отказать в последовательности, с какой он утверждает свою позицию в вопросе о жанрах.

Эта нигилистическая позиция мне, однако, представляется неверной по существу. Жанры, с моей точки зрения, отнюдь не фикция, не плод наших поверхностных наблюдений, — они существуют реально, не только в нашем воображении.

Жанр — не механический конгломерат отдельных приемов, сосуществующих изолированно один от другого, а органическая система приемов, тесно связанных между собой и объединенных единством идейно-художественного замысла. Каждый прием сам по себе, взятый в отдельности, не может служить признаком жанровой природы того или иного произведения. Он становится этим признаком только в связи с другими признаками, в единстве всех приемов, составляющих художественную структуру произведения. Риторическое восклицание «!» встречается в разных произведениях, но признаком ораторской природы произведения и очень показательным, оно становится на фоне других стилистических приемов того же произведения, имеющих аналогичное художественное назначение.

Почему я считаю указанные мною художественные особенности «Слова о полку Игореве» признаками его ораторской природы? Только потому, что в такой комбинации, в таком сочетании, в аналогичном идейно-художественном контексте, они действительно встречаются только в памятниках старинного художественного красноречия, древнерусского в частности, и нигде больше не встречаются. Фактов, которые бы опровергали это наблюдение, мне пока никто не указал. И это, полагаю, дает мне право отстаивать с прежним «упорством» то положение о жанровой природе «Слова о полку Игореве», которое я впервые печатно сформулировал еще в 1944 году: пока не вижу достаточных оснований от него отказываться.

Еще несколько замечаний частного порядка по поводу статьи А. А. Назаревского.

По мнению А. А. Назаревского, моя «гипотеза» еще и потому совершенно неприемлема, что она будто бы объединяет «Слово о полку Игореве» — «и в его идейном значении и в значении художественном» (стр. 143). Не скрою, это последнее заявление мне просто непонятно. Почему «памятник исключительной политической остроты и глубочайшего патриотизма» не мог быть написан в форме ораторского «слова»? Почему «призыв русских князей к единению» мог быть воплощен только средствами всех жанров, бытующих в литературе киевской Руси, только в той гибридной форме, какую А. А. Назаревский приписывает «Слову»? Для меня является загадкой, как вообще жанр может определять художественную и идейную ценность произведения. Разве «Гамлет» становится хуже оттого, что Шекспир написал его в форме трагедии, а не в форме, допустим, эпической поэмы? В рамках того или иного жанра могут быть написаны произведения плохие и хорошие, рядовые и гениальные. Ценность произведения определяет не жанр, а талант художника. Или А. А. Назаревский полагает, что жанры по самой своей природе делятся на «плохие» и «хорошие», «низкие» и «высокие»? Если это так, — спорить с А. А. Назаревским, очевидно, бесплодно, так как о вкусах, как известно, не спорят.

В своей статье 1944 года я писал, что «устойчивость, известная обособленность жанров, а, следовательно, и всех тех структурных элементов, из которых эти жанры складываются, — характерная особенность средневековой литературы» (стр. 8). Положение это А. А. Назаревскому представляется «совершенно неверным». Положению этому А. А. Назаревский противопоставляет другое: «Наоборот, характерной чертой нашей литературы эпохи киевской Руси является недостаточная дифференцированность от-

дельных литературных жанров или в пределах одного жанра — его разновидности» (стр. 117). В доказательство А. А. Назаревский ссылается на тот факт, что «нередко произведения одного и того же жанра в наших старых рукописях носят различные названия, а произведения различных жанров имеют одно и то же наименование». А. А. Назаревский приводит ряд примеров такого «жанрового смешения заглавий» (стр. 117—118). Смешение заглавий, действительно, встречалось у нас в старину, и соответствующие факты были приведены и мною. Но они не опровергают моей точки зрения, как не доказывают и точки зрения А. А. Назаревского. Одною из причин неустойчивости номенклатуры жанровых определений у древнерусских книжников и писцов, порою малограмотных, недостаточно, чтобы отрицать столь уверенно, как это делает А. А. Назаревский, известную обособленность жанров в древнерусской литературе. Жанровая природа произведения не может быть определена только по заглавию. Данное автором или переписчиком заглавие нуждается в проверке на материале произведения в целом, в единстве его содержания и художественной формы. Проверка эта может или подтвердить правильность данного определения или опровергнуть его. Повесть, даже в том случае, если она, допустим, озаглавлена «словом», все же останется повестью и ничем иным быть не может, равно как и «слово», если оно в рукописи и называется как-нибудь иначе или вообще никак не называется, все же будет «словом», а не повестью, не житием и пр. Вопрос о том, были или не были устойчивы жанры в древнерусской литературе, одной ссылкой на «жанровое смешение заглавий» решить нельзя. Вопрос требует дальнейшего изучения. Пока же имеют право на сосуществование обе точки зрения, и А. А. Назаревского и моя. Будущее покажет, кто из нас ближе к истине. Что касается «Слова о полку Игореве», то свое определение его жанровой природы я отнюдь не строил только на той терминологии, какой пользуется автор, характеризуя свое произведение. Отталкиваясь от этой терминологии («слово», «песнь», «повесть»), я затем проверял ее на материале «Слова» в целом. Таков во всяком случае у меня путь исследования в статье 1950 года.

По убеждению А. А. Назаревского, «Слово о полку Игореве» уже по одному тому не может рассматриваться как произведение одножанровое, что всякое гениальное художественное произведение всегда, как правило, ломает жанровые рамки и каноны своего времени (стр. 142). Во второй своей части это положение, высказанное в столь общей форме, несомненно правильно. Не будь этой «ломки», в искусстве не было бы движения. Однако всякая «ломка» предполагает то, что этой «ломке» подлежит. На пустом месте ничего сломать нельзя. Ломя одни жанровые рамки и каноны, крупный художник взамен их создает другие. В результате возникают, в процессе исторического развития литературы, все новые и новые разновидности и типы одного и того же жанра или даже жанровые новообразования. Это непрерывное обновление жанров — одна из форм поступательного движения искусства. Нет сомнения, что «Слово о полку Игореве» во многом отстает от существовавшей в XII веке «нормы», традиции. В чем именно отстает, — на этот вопрос, однако, ответить труднее, чем кажется. Это особый вопрос, заслуживающий специального исследования. Решение его предполагает внимательное сравнение «Слова» с однотипными ему произведениями. Но, как известно, для такого сравнения материала у нас очень мало. Древнерусское церковное красноречие XI—XII веков — материал недостаточный: оно имеет свои специфические особенности и во многом существенно отличается от «Слова» как по содержанию, так и по форме. Кстати сказать, А. А. Назаревский напрасно обви-

няет меня в том, что различие это я не вижу или не хочу увидеть (стр. 129). Везде, где материал давал для этого повод, я отмечал это различие (см. в статье 1950 года — стр. 110, 112, 122 и др.). Есть только одно произведение той эпохи, которое, на мой взгляд, действительно близко напоминает нам «Слово о полку Игореве», — «Слово о погибели Рускыя земли». Но и его, конечно, мало для решения поставленного вопроса. Лично я думаю, что вопрос о художественном новаторстве автора «Слова» в полном его объеме не может быть решен только на материале одной древнерусской литературы. По мнению А. А. Назаревского, «воспринимать самобытное произведение гениального русского автора через сравнение с иностранными литературами» — «порочная и вредная традиция» (стр. 114). Не могу согласиться с этим. На фоне такого сравнения самобытность гениального русского автора только ярче и полнее обнаружится.

Где же, кем и когда могло быть произнесено «Слово о полку Игореве», если это произведение ораторское? — задает мне вопрос А. А. Назаревский (стр. 138). На вопрос этот за отсутствием материала не могу ответить, так же как не могу сказать с уверенностью, где, кем и когда произносились «слова» Кирилла Туровского или, допустим, «Слово о Лазаревом воскресении». История старинного красноречия, античного в частности, свидетельствует, что речи произносились далеко не всегда, а распространялись книжным путем наравне с другими литературными произведениями. В древней Руси могла иметь место та же практика: «слова» могли предназначаться для произнесения (в церкви или во время каких-либо приемов — один такой случай отмечен Ипатьевской летописью под 1200 годом), но могли и не предназначаться.

В заключение не могу не остановиться еще на одном утверждении А. А. Назаревского. По его словам, некоторые мои рассуждения по поводу Игоря в изображении автора «Слова» носят «характер известной подтасовки» (стр. 137). Примером такой «подтасовки», пишет А. А. Назаревский, является тот абзац в моей статье 1950 года, где я будто бы вопреки тексту «Слова» утверждаю, что Игорь «именно потому и потерпел поражение... что князья, занятые внутренними распрями, не объединяются для совместной борьбы с «погаными», предоставляя борьбу с ними личной инициативе того или иного князя, болящего за Русскую землю» (стр. 125). Строки эти со стороны А. А. Назаревского вызвали следующее замечание (стр. 137): «Да, ведь, как раз сам Игорь и уклонился от того объединения с другими князьями, которое было для него вполне возможно, именно он и другие участники неудачного похода „шли суть на половци утаившися“ и „не воздержавше уности, отвориша ворота на Русскую землю“». Упрек в подтасовке я должен буду вернуть А. А. Назаревскому. Ведь приведенные им цитаты («утаившися», «не воздержавше уности»), должествующие показать мою подтасовку, принадлежат не «Слову», а так называемой Киевской летописи. Возможно, летописец прав, и Игорь действительно пошел на половцев «утаившися», — но какое отношение все это имеет к «Слову» и к моей интерпретации его? В статье я пытался установить, как автор «Слова» рисует образ Игоря. Художественный образ нельзя отождествлять с реальным прототипом этого образа. Реальный Игорь, быть может, и совершил дурной поступок, но автор «Слова» об этом умалчивает: он обвиняет Игоря только в том, что Игорь и его соратники поторопились, поспешили («рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати»). Возможно, я неправильно читаю текст «Слова», но тогда мне на это и следовало бы указать — на тексте же, не прибегая к такого рода неловким полемическим приемам, способным только запутать наш спор.